

Глава 7. Новоселье

Чэн Си шагал следом за Родни, когда они вступили на подвесной мост. Тот был отлит из какого-то высокотехнологичного сплава — пластичного и прочного. Повсюду на металле виднелась искусная гравировка: замысловатые ажурные узоры, напоминавшие цветы Снежной бегонии, только с необычайно крупными лепестками.

— Что это за цветы? — Чэн Си указал на узоры.

Родни на мгновение запнулся. Похоже, вопиющее невежество «молодого господина» неприятно его поразило. В голове дворецкого явно созрел план добавить в учебное расписание подопечного ещё пару-тройку дисциплин.

— Это Снежная бегония, символ семьи Осмонд. Она олицетворяет благородство и строгость. В Империи у каждого знатного рода есть свой цветочный герб.

«Сначала фрукты "Мадань", теперь вот "сахарные цветы"... Будущее — забавное место», — подумал Чэн Си.

На самом деле он прекрасно понимал, что названия звучат иначе. Подобными глупыми ассоциациями он пытался унять нарастающее беспокойство и хоть немного отвлечься.

Когда они миновали мост, перед ними выросли массивные киноварно-красные ворота. Родни подошёл к стене и коснулся квадратной каменной плиты. Та послушно отъехала в сторону, явив окуляр сканера, по форме напоминающий человеческий глаз. Машина бесстрастно считала черты лица и сетчатку Родни.

— Пожалуйста, введите голосовой пароль, — проскрежетал механический голос.

— Да здравствует семья Осмонд, — с истинно верноподданническим благоговением произнёс Родни.

—...

Чэн Си на мгновение лишился дара речи. Абсурдность ситуации зашкаливала настолько, что он даже не знал, с чего начать язвить.

— Данные верны. Голосовая верификация пройдена. Доступ разрешён.

Глаз скрылся за плитой, и тяжёлые створки медленно разошлись.

Вдоль дорожек просторного двора густо цвели те самые Снежные бегонии. Благодаря сложной системе климат-контроля, поддерживающей идеальную температуру и влажность почвы, они благоухали здесь круглый год.

— А что будет, если проверка не пройдёт, но кто-то попытается прорваться силой? — любопытствовал Чэн Си, едва они вошли внутрь.

Родни бросил на него суровый взгляд. Он молча поднял из клумбы камень размером с ладонь и резко метнул его вверх. Сила броска была колоссальной: камень почти мгновенно исчез из виду. Спустя секунду в небесах полыхнула ослепительная белая вспышка. Камень так и не упал — защитная система аннигилировала его, превратив в пыль.

Чэн Си непроизвольно присвистнул:

— Неплохо. А вы не думали применить эту технологию при строительстве тюрем?

Родни ничего не ответил, лишь развернулся и повёл его дальше.

К этому внезапно объявившемуся «молодому господину» дворецкий питал странное чувство. С одной стороны, парень вёл себя как неотёсанный деревенщина, лишённый всякого воспитания. С другой — Родни то и дело казалось, будто юноша над ним тонко издевается.

За главными дверями их встретил величественный холл. В самом центре стоял длинный деревянный стол, накрытый белоснежной скатертью и украшенный изящными вазами с цветами. С обеих сторон ввысь уходили винтовые лестницы, чьи перила были сплошь покрыты резьбой в виде всё тех же Снежных бегоний. Высоко над головой сияла роскошная хрустальная люстра, окружённая кольцом современных ламп.

Пока Чэн Си глазел по сторонам, на лестнице показался человек. Ступал он совершенно бесшумно благодаря толстому ворсу ковров.

— Родни.

Чэн Си вздрогнул от неожиданности и вскинул голову.

С лестницы на него смотрел молодой человек лет двадцати. Красивое лицо, безупречно сидящий костюм и надменный взгляд.

— Молодой господин Листер, — Родни почтительно склонился в глубоком поклоне.

— Отец в кабинете, — бросил Листер и, даже не удостоив Чэн Си взглядом, развернулся и ушёл обратно наверх.

Чэн Си не обиделся. В конце концов, сложно радоваться, когда у твоего папаши внезапно обнаруживается «подарочек» со стороны.

Кабинет находился на втором этаже. Как только Родни ввёл гостя внутрь и плотно прикрыл за собой дверь, в комнате повисла тяжёлая, гнетущая тишина. В кабинете остались лишь герцог Осмонд, его старший сын и Чэн Си.

Юноша «застенчиво» опустил голову и надул губы. «Они что, все тут такие мастера театральных пауз? Хотят подавить авторитетом или просто любят себя?»

Он осторожно, из-под ресниц, оглядел герцога. Мужчине было около пятидесяти, но выглядел он превосходно. Харизматичный, статный джентльмен в самом соку — совсем не тот плешивый и нервный пузач, которого Чэн Си рисовал в своём воображении.

Хозяева кабинета явно не спешили предлагать ему присесть. Чэн Си приготовился честно стоять до победного, но природа распорядилась иначе. В животе внезапно заурчало, и коварный пузырьёк газа устремился к выходу.

Как известно, если выходящий воздух запереть внутри, он со временем может выйти и с другой стороны. Обычно Чэн Си в таких случаях искал уединение, но сейчас деваться было некуда. Оставалось только...

Пр-р-р-р-ут!

Тягучую тишину кабинета внезапно вспорол долгий, удивительно мелодичный звук.

Чэн Си неловко поскрёб затылок:

— Прощу прощения. Хотел по-тихому, но не вышло. Не волнуйтесь, без запаха.

Лица Осмонда-старшего и Листера мгновенно позеленели. Листер вскочил, распахнул окно и жадно приник к свежему воздуху.

Герцог Осмонд наконец соизволил поднять глаза на незваного гостя.

— Как твоё имя?

— Чэн Си.

— Кто твоя мать?

«Это я у тебя должен спросить!» — подумал юноша. Раз уж папаша так легко признал отцовство, значит, список его «боевых заслуг» был весьма обширен. И Чэн Си не ошибся: большинство аристократов, помимо законных жён, имели целую свиту любовниц. С одной стороны, титул манил охотниц за положением, с другой — рождаемость Альф и Омег была стабильно низкой, и знатым домам приходилось «забрасывать сети» как можно шире, надеясь на сильное потомство для поддержания статуса.

— Не помню, — продолжал валять дурака Чэн Си. — У меня амнезия.

Осмонд и Листер обменялись быстрыми красноречивыми взглядами.

— Раз уж в тебе течёт кровь Осмондов... — начал герцог.

«Вообще-то нет».

—...то негоже тебе скитаться на стороне.

«А остальных Бет вы тоже к делу пристроили?»

— Однако члену знатной семьи приличествуют безупречные манеры.

«Интересно, а вы как свои газы контролируете? На силе воли?»

— Я распоряжусь, чтобы Родни нанял учителей для твоего обучения...

«Если среди них будет мастер по мехостроению — цены тебе не будет».

— Надеюсь, ты в кратчайшие сроки станешь достойным представителем нашего рода.

«Иначе в свет вывести будет стыдно, так?»

— Хорошо, господин герцог, — ответил Чэн Си. Он намеренно не назвал его «отцом». В его сердце это слово предназначалось лишь одному человеку.

Осмонд не обратил внимания на холодность тона.

— Это твой брат, Листер Осмонд. Он представит тебя остальным членам семьи. По всем прочим вопросам обращайся к Родни.

— Понятно. — Чэн Си перевёл взгляд на Листера. Тот выглядел его ровесником, а то и старше.

Видимо, гены Осмондов работали странно: либо Чэн Си выглядел слишком молодожаво, либо Листер успел изрядно заматереть.

Листеру явно был не по душе новый «родственник», но он не стал оспаривать решение отца или выторговывать себе условия. Он подавил раздражение и принял приказ с покорностью кадрового военного.

Семья Осмонд была огромной, но в самом замке проживало лишь одиннадцать человек: герцог с сыном, его родители и несколько наиболее перспективных молодых талантов рода.

Знакомство прошло как в тумане. Чэн Си механически здоровался, путаясь в именах и лицах, но заметил одну общую черту: среди них не было ни единой Беты.

Закончив с формальностями, Листер, не сказав больше ни слова, сдал Чэн Си на руки дворецкому и скрылся в своих покоях. Родни повёл юношу в западное крыло замка. Чэн Си заметил, что большинство комнат здесь пустовали.

— Эти апартаменты предназначены для Омег, — пояснил Родни. — В целях безопасности коридор здесь перекрывается на ночь автоматическими затворами. Почти все Омegi нашего рода уже вышли замуж, так что сейчас здесь живёте только вы и двое детей из побочных ветвей.

О беглянке Алисе Родни не обмолвился ни словом.

Остановившись у одной из дверей в глубине коридора, дворецкий отпер её и протянул ключ Чэн Си:

— Это ваши покои, молодой господин. Если понадобится что-то из мебели или вещей — дайте знать. Позже я пришлю служанку, которая будет за вами приглядывать.

Чэн Си кивнул. После сумасшедшего дня он мечтал только о горячем душе и мягкой постели.

— И помните: завтрак ровно в семь утра, присутствие обязательно. Обед и ужин, если пожелаете, вам подадут прямо в комнату...

Когда Родни наконец закончил наставления и ушёл, Чэн Си вошёл внутрь. Комната была роскошной: просторная кровать, книжные стеллажи, массивный гардероб — всё по высшему разряду.

Он обошёл свои владения кругом, но так и не нашёл ни компьютера, ни терминала — ничего, что позволило бы быстро разузнать о внешнем мире. «Забыли поставить или Омегам не положено?» — промелькнуло в голове.

Впрочем, раздумья быстро отошли на второй план. Чэн Си рухнул на кровать, чувствуя, как свинцовая усталость наливает конечности. Он закрыл глаза и провалился в сон.

Когда он снова открыл глаза, за окном была глубокая ночь. Потирая затёкшие икры, Чэн Си встал и нажал на синюю кнопку вызова на стене. Вскоре в дверь негромко постучали.

— Войдите, — отозвался он.

В комнату вошла женщина-Бета лет тридцати в скромном платье прислуги. Она стояла, низко склонив голову, всем своим видом выражая смирение и готовность повиноваться.

— Молодой господин, я Белла, ваша личная служанка. Чем могу служить?

В прошлой жизни, во время болезни, Чэн Си привык к уходу первоклассных сиделок, которых нанимало руководство. Но нынешняя покорность Беллы вызвала у него неприятный осадок. Дело было не в самой женщине, а в этом ощущении классовой пропасти, где один человек априори «ниже» другого.

Ему вспомнилась старая шутка: «Империя пала, а привычки остались».

Почему в государстве с такими невероятными технологиями идеи прав человека откатились в средневековье?

Ответ лежал на поверхности: всё дело в АВО-физиологии.

В его старом мире за равенство полов и против расизма боролись столетиями, и даже тогда предрассудки не исчезли до конца. Высшие и низшие классы существовали всегда — кто-то добровольно опускался на колени, а кто-то просто не мог с них встать. Но появление Альф, Бет и Омег возвело эти барьеры в абсолют.

Разница между индивидами стала биологической реальностью. То, что Альфе давалось без усилий, Бете или Омеге требовало титанических трудов, и не факт, что результат был бы сопоставим.

Существовали ли Омеги или Беты, превзошедшие Альф? Чэн Си не сомневался, что да, но это были единичные случаи, статистическая погрешность на фоне общего распределения сил.

Это как в игре: баланс классов определяется не парой топовых игроков, а тем, как чувствует себя обычный пользователь. И если большинство игроков одного класса раз за разом «втаптывают в грязь», значит, система сломана.

Омеги, благодаря своей способности к деторождению, занимали в этом треугольнике особое

положение. Их ценили, их берегли, но это была «золотая клетка» — они редко имели право на собственную свободу. Они напоминали лекарей в сложном подземелье: полезны только одной способностью, слабы без защиты товарищей, и как только эта уникальность исчезнет — им останется лишь плакать у порога.

А Беты... Лишённые как физического превосходства Альф, так и биологической исключительности Омег, они, похоже, были обречены на роль вечных статистов в этой грандиозной драме.

<http://bllate.org/book/17454/1657731>